

телю. проведенному столь кропотливое изучение огромного материала, виднее. При чтении книги все время ощущаешь, как целенаправленно ведется анализ данных, сколько внимания уделяется истории развития каждого элемента обрядности. Однако вас не оставляет ощущение, что исследовательница не полностью осуществила свой первоначальный замысел: приведенный материал, анализ отдельных вопросов — все, несомненно, предоставляет возможности для гораздо более глубоких общетеоретических выводов, чем те, что находит читатель в публикации. Создается такое впечатление, что в последний момент работе был придан научно-популярный характер, от чего пострадала теоретическая часть исследования. Кроме того, и в самом построении работы сказывается ориентация на финского читателя, в определенной мере знакомого с традициями своего народа. Разумеется, издание исследования на финском языке в значительной мере ограничивает круг читателей, о чем нельзя не пожалеть, так как подобные фундаментальные работы должны быть достоянием широких кругов этнографов и фольклористов.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

И. Л. Андреев. Происхождение человека и общества (Современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). М.: Мысль, 1982. 304 с.

Жанр этой книги своеобразен. Во-первых, это одна из первых монографических работ по антропосоциогенезу (кстати, сам этот термин представляется нам очень удачным), написанная философом и освещающая именно философско-методологические аспекты происхождения человека и общества¹. Во-вторых, это не монография в традиционном смысле: в ней нет наукообразия, она написана ярко, полемично, пожалуй, даже популярно, хотя вопросы, затрагиваемые в ней, головоломно сложны и, казалось бы, мало подходят для популярного изложения.

Итак, философия антропосоциогенеза... Рассмотрение этого явления именно с философских позиций явно назрело. Автор совершенно правильно отмечает, что в существующих работах чаще всего имеют место либо проекция в животный мир закономерностей и причинно-следственных отношений, присущих социуму, либо, напротив, попытки объяснить общество и человека при помощи «чисто животных» понятий. Надо добавить (И. Л. Андреев также говорит об этом, но недостаточно четко), что большинство исследований, посвященных антропосоциогенезу, эмпиричны и эклектичны, а порой характеризуются и прямо позитивистской позицией их авторов. С другой стороны, нельзя забывать, что развитие человека и общества («человекообщества», хотелось бы сказать) не есть параллельное и поступательное развитие отдельных свойств, качеств, признаков. Это прежде всего развитие и трансформация некоторой весьма сложной и динамической системы связей и отношений, имеющей глобальный характер и включающей подсистему отношений к природе, в том числе эволюционно-генетические, этологические, морфологические компоненты, не говоря уже о тех подсистемах, которые определяют взаимосвязь коллективной деятельности, развития общества, развития психики вообще, и сознания в частности, развития общения и взаимодействия... Существеннее всего здесь то, что антропосоциогенез не есть смена одного состояния объекта (будь это индивид в биологическом смысле, социум, общественное сознание, система языка) другим его состоянием, не есть переход от одного вида закономерностей к другому виду: это смена состояний развивающейся системы (в марксовом смысле этого последнего термина). Боюсь, что при всех достоинствах книги И. Л. Андреева ему не хватило как раз этого системного и глобального взгляда на проблему, хотя он вплотную подошел именно к подобному пониманию.

Правда, взгляд с такой позиции требует от философа, психолога, антрополога, археолога (а что говорить о биологе или физиологе!) достаточно сложного психологического «сальто». Здесь хочется привести аналогию из лингвистики: языковед, выросший

¹ Можно назвать только замечательную, к сожалению, посмертную книгу Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» (М., 1974). Подробный анализ этой книги см.: «Сов. этнография», 1975, № 5. Ряд более ранних работ (книги А. Г. Спиркина, П. Ф. Протасенко и др.) посвящен генезису сознания и не претендует на комплексность подхода.

на изучении русского, английского, французского или любого другого индоевропейского языка, если он переходит к изучению языков Африки, Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании, должен прежде всего решительно отказаться от привычной ему концептуальной системы, привычных единиц анализа и привычных моделей взаимосвязей этих единиц. Только тогда он не будет навязывать этим языкам европейскую структуру, но сумеет вскрыть их собственную специфику, в то же время приобретя более универсальный и обобщенный взгляд на язык вообще. Нечто похожее и должно произойти, как сказано выше, с ученым-гуманитарием, приступающим к исследованию антропосоциогенеза. Те системные отношения, которые он вскрывает у сформировавшегося человека, в сформировавшемся человеческом обществе и т. п., те конкретные и абстрактные объекты, которые фигурируют в качестве субстрата этих системных отношений, в принципе *не годятся* для анализа процессов антропосоциогенеза, во всяком случае на «дочеловеческом» и «дообщественном» этапе. Так, например, ни одно из понятий общей психологии не может быть прямо спроецировано в доисторию², ибо все они наполнены содержанием, соответствующим совершенно определенному историческому этапу развития общества (и человека).

Поэтому возникает интересная в методологическом смысле ситуация, когда мы вынуждены начинать исследование проблемы не с анализа конкретной системы, а с анализа всех *потенциально возможных* вариантов системы, такой организации интересующих нас факторов и таких ограничений, которые накладываются на выбор этих вариантов конкретными условиями. Хорошим эвристическим приемом здесь, вероятно, может служить постановка проблемы не в глобальном, а в космическом масштабе. Иначе говоря, мы проводим мысленный эксперимент, «строим» потенциально возможный мир и «помещая» его на другое небесное тело. Так, чтобы понять природу *человеческого* языка, весьма полезно задаться вопросом: какой могла бы быть система средств общения вне Земли? Но тогда надо ответить и на вопрос о том, каким мог бы быть «другой», «нечеловеческий» социум, и на вопрос о том, как могут соотноситься общественное познание, общественный опыт с индивидуальной психикой, и на вопрос о соотношении этой психики и ее физиологического субстрата и т. д. Такой подход (назовем его ксенографическим) заставляет нас, кстати, дать четкую дифференциацию подлинно универсальных типов связей (универсальных законов), присущих любой потенциально возможной системе, и закономерностей, действующих только внутри данной конкретной системы, хотя и универсальных в ее масштабе, т. е. глобальных. И именно философ-марксист, как никто иной, может сказать здесь решающее слово. Постулируемая фантастами «биологическая цивилизация» невозможна как раз по соображениям универсального порядка.

Возвращаясь к проблеме антропосоциогенеза, к которой мы попытались подойти «снаружи», т. е. ксенографически, мы, по-видимому, должны прежде всего построить достаточно абстрактную модель системных связей, учитываемых в ходе анализа, и вскрыть реальные образующие интересующей нас развивающейся системы, т. е. иерархизировать (применительно к этой конкретной системе) типы связей и факторы, влияющие на развитие системы. Что же касается субстрата этих связей, или проще говоря, той концептуальной системы, которую мы используем для описания конкретных объектов на разных этапах развития, методологические соображения подсказывают нам, что следует не идти от нее, а *приходить* к ней.

После этого сильно затянувшегося методологического вступления перейдем к характеристике отдельных глав рецензируемой книги.

Главная идея «Предисловия» — необходимость философско-методологического анализа проблемы антропосоциогенеза. Автор видит здесь три аспекта: методологический, гносеологический и идеологический (с. 14).

Глава первая — «История человечества в истории Земли» — посвящена обоснованию глобальности проблемы и отстаиванию идеи зависимости вида *Homo sapiens* от предшествовавших его формированию естественных условий (наследственность, среда обитания).

Во второй главе — «Гоминидная триада» — автор анализирует морфологию человека, опираясь на соответствующие мысли Ф. Энгельса. По И. Л. Андрееву, морфология человека, с одной стороны, подготовлена «дочеловеческим» развитием (прямохождение, развитие человеческой руки, объем и качественно новый тип строения человеческого мозга), с другой — даже при наличии соответствующих предпосылок она могла возникнуть лишь благодаря новым функциям, связанным с эволюцией антропоидов «в сторону человека». При этом три члена гоминидной триады олицетворяют разное соотношение тех и других факторов: наиболее «дочеловеческим» является прямохождение, наиболее «функционально-человеческим» — строение мозга.

В третьей главе — «Сущность и происхождение труда» — автор совершенно правильно ищет эволюционную связь между животнООбразным и собственно человеческим трудом, т. е. естественные предпосылки становления труда, но в то же время подчеркивает, что это — проблема особенностей трудовой *деятельности*, ее внутренней эволюции. Уже после выхода в свет книги И. Л. Андреева была опубликована относящаяся к 1940 г. лекция А. Н. Леонтьева, где подробно рассматривается в психологическом плане именно генезис трудовой деятельности³. Многие из мыслей этой работы находят параллель и в соображениях И. Л. Андреева, в частности в его наблюдениях

² См. об этом: Леонтьев А. А. Проблема глоттогенеза в современной науке. — В кн.: Энгельс и языкознание. М.: Наука, 1972.

³ Леонтьев А. Н. Анализ деятельности. — Вестн. МГУ. Сер. 14: психология, 1983, № 2.

над кажущейся «алогичностью» поведения отдельного индивида в условиях коллективного труда, связью этой алогичности с «организаторским трудом» (едва ли удачный термин!) и, что еще важнее, *планированием* деятельности.

Как ни странно, но в четвертой главе — «Проясняющееся сознание» — этот ход мысли не реализован. Автор очень тонко анализирует корни сознания, но почему-то упускает из вида то, что сам же подчеркивал ранее: необходимость в условиях коллективного труда разделить его планирующую и исполнительскую части, что прямым путем вело к рождению теоретического мышления. Говоря далее о генезисе самосознания, И. Л. Андреев, мне кажется, несколько недооценивает, что это — оборотная сторона (и условие) осознания окружающего мира как чего-то отделенного от «меня».

Наиболее профессионально близка мне глава пятая — «От языка животных — к членораздельной речи». С большинством ее мыслей следует согласиться. Хотелось бы только обратить внимание автора, что в отличие от звукового языка жест весьма плохо способен осуществить точную дифференциацию значений и их организацию в некоторую целостную структуру. С другой стороны, как и большинство авторов, И. Л. Андреев нечетко дифференцирует язык как систему коммуникативно ориентированных структур и язык как систему значений, которая может «оформляться» в виде коммуникативной системы (собственно языка) или существовать как «предметные значения», конституирующие у человека его образ мира. Иначе говоря, генезис *общения* (и его средств!) неразрывен с генезисом сознательного *отражения*.

«Диалектике антропосоциогенеза» посвящена шестая глава. Ее пафос в том, что «переход на каждую более высокую ступень антропосоциогенеза не был ни повсеместным, ни одновременным» (с. 149), и эта мысль, особенно в свете сказанного в начале рецензии об антропосоциогенезе как процессе развития единой системы, представляется очень своевременной. Действительно, факт «скачка», рассматриваемый под углом зрения философии, не означает, что в какой-то момент времени произошел «поворот все вдруг». Наоборот, гораздо больше фактов, свидетельствующих о том, что феноменологически процесс антропосоциогенеза отнюдь не выглядел как цепочка «взрывов». А если это так, то возникает очень важное соображение, а именно: реальные факторы антропосоциогенеза включали в себя соотношение одновременно существовавших качественно разных ступеней развития. Пример: экология взаимоотношений популяций кроманьонцев и неандертальцев, если допустить их временное сосуществование. Об этом факторе интересные мысли можно найти в книге Б. Ф. Поршнева.

Глава седьмая — «„Разобезьянивание“ обезьяны» — посвящена кризису прежней, чисто животной жизнедеятельности высших антропоидов третичного периода (с. 164), следствием которого должен быть поиск «неживотных» средств выживания. В качестве нового и важного фактора эволюции выступает психика, обеспечивающая все большую эволюционную пластичность. Предтрудовая деятельность, по И. Л. Андрееву, зародилась как «один из вариантов специфически биологического приспособления к окружающей среде, перераставшего в свою противоположность» (с. 171). Наконец, автор настаивает на том, что предлюдям была свойственна «двойная этиология», связанная как с орудийной деятельностью, так и — одновременно — со стадностью.

Глава восьмая носит классическое «веркоровское» название — «Люди или животные?». Ее главная мысль следующая: «Диалектико-материалистическое понимание переходной ступени позволяет теоретически доказать практическую бесплодность многочисленных попыток найти некую эмпирически фиксируемую границу между „последней“ обезьяной и „первым“ человеком» (с. 183). Именно в этой главе И. Л. Андреев ближе всего подходит к «системологической» трактовке антропосоциогенеза.

Глава девятая — «Утро человечества» — развивает тот же методологический подход. В ней еще и еще раз фиксируется, что один и тот же субстрат может входить в различные виды связей и что процесс антропосоциогенеза и есть прежде всего развитие таких связей. Автор прослеживает основные этапы развития.

Глава десятая — «Ни Маугли, ни Робинзон» — это глава о коллективной деятельности. Следует отметить, что предложенное автором понимание деятельности могло бы быть более «психологичным».

В одиннадцатой главе — «Мог ли кроманьонец поступить в Сорбонну?» — генезис коллективного сознания выводится из коллективной деятельности и трактуется процесс выделения индивидуального сознания.

Итоговая двенадцатая глава — «Человек и общество» — касается начальных стадий развития общества как такового — вплоть до появления частной собственности и складывания родового строя.

Сказанное выше показывает, что И. Л. Андреев написал остро полемичную, в высшей степени богатую идеями книгу, опирающуюся на многочисленные факты из самых различных областей знания. Она, действительно, намечает важнейшие пути методологической трактовки антропосоциогенеза и дает острую и аргументированную критику немарксистских и антимарксистских концепций. Можно сказать, что задача, поставленная автором, решена в целом успешно. Особо хотелось бы отметить аутентичность используемых фактов: к сожалению, мы все привыкли к тому, что профессиональные философы часто привлекают при освещении комплексных проблем конкретный материал, взятый из вторых или третьих рук и осмысленный приближенно, а порой и просто неверно. Приятно подчеркнуть, что та часть материала, которая мне доступна (психология, лингвистика и смежные области) в книге И. Л. Андреева представлена весьма корректно и профессионально.

Таким образом, появление рецензируемой книги надо приветствовать. Она получилась яркой, насыщенной, талантливой и глубоко профессиональной.

А. А. Леонтьев